

Григорян Л. Г.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ

Козерога

Л. Г. Григорян

Под созвездием Козерога

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076622

Под созвездием Козерога. / Григорян Л. Г.: Перо; Москва; 2020

ISBN 978-5-00171-331-9

Аннотация

Апрель еще не вступил в свои права, и поэтому иногда непонятно откуда налетал холодный ветер и все вокруг становилось мерзким и зябким.

Сегодня мы решили выехать из гаража пораньше, чтобы попробовать самим найти желающего перевезти свой груз.

В принципе в этом и заключалась наша работа – грузоперевозки, как нас в народе называют, «дальнобойщики». Надо заметить, работа тяжелая, требует к себе повышенного внимания и большой выдержки. Иногда приходилось всю ночь до утра, не смыкая глаз, гнать своего «коня» к назначенной точке, а это может быть до двух-трех тысяч километров. Одним словом, романтика, спроси любого, и тебе скажут: «Вот лафа, гоняешь в свое удовольствие, да еще и бабки какие платят».

Содержание

На склонах Казбека	5
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Л. Г. Григорян
Под созвездием Козерога

На склонах Казбека

Апрель еще не вступил в свои права, и поэтому иногда непонятно откуда налетал холодный ветер и все вокруг становилось мерзким и зябким.

Сегодня мы решили выехать из гаража пораньше, чтобы попробовать самим найти желающего перевезти свой груз.

В принципе в этом и заключалась наша работа – грузоперевозки, как нас в народе называют, «дальнобойщики». Надо заметить, работа тяжелая, требует к себе повышенного внимания и большой выдержки. Иногда приходилось всю ночь до утра, не смыкая глаз, гнать своего «коня» к назначенной точке, а это может быть до двух-трех тысяч километров. Одним словом, романтика, спроси любого, и тебе скажут: «Вот лафа, гоняешь в свое удовольствие, да еще и бабки какие платят». Сразу могу сказать: чушь все это, многие не смогли работать и вынуждены были отказаться от этой романтики.

На выезде из гаража стоял дежурный механик, который проверял техническое состояние автомобиля и отмечал время выезда из автопарка, и если что не так, то машину из парка не выпускали. С этим проблем никогда не было, наши машины были всегда исправны. Поэтому я со своим напарником, Маратом Гамлетовичем, спокойно выехали из ворот автобазы и направились на стоянку, где собирались все, кому был нужен клиенте грузом.

К одиннадцати часам мы уже стояли на пяточке и думали, чем бы заняться до прихода желанного клиента. Дело в том,

что не хотелось брать клиента на короткое плечо, ведь, как ни крути, а в гараже спросят с тебя путевку, куда ездил, как оформил маршрут, где деньги, которые клиент должен был оплатить за оказанную услугу, за выполненный договор перевозки, и надо было внести в кассу автобазы определенную сумму.

Отсюда, чем длиннее маршрут, тем дороже его цена. В общем, как-то так. На площадке собралось много машин и всем нужна была работа, однако большая часть приехавших пытались найти такой груз, чтобы вечером быть дома или в крайнем случае завтра. Поэтому мы с напарником понимали, что эти люди для нас не конкуренты и нашего клиента они не возьмут.

В итоге мы сели в мою машину, включили «видак» и... А дальше наше дело – ждать. Надо заметить, сегодня была уже пятая попытка поймать кого-нибудь, но, увы, мы приезжали на стоянку и каждый раз возвращались в гараж пустыми.

Уже свечерело и пора было уезжать, но фильм еще не закончился, поэтому мы продолжали стоять.

Досмотрим до конца, потом уедем. Смотрим, на стоянке появился «мерин». Толпа водителей обступили его. Потолкавшись возле Мерса, они стали медленно расходиться, видать, что-то не срослось. Причин много: это может быть далеко, оплата, маршрут, да мало ли что еще могло быть.

– По-моему, этот «мерин» наш клиент, – сказал Марат, – пойди поговори с ними.

Договаривался с клиентами всегда я. У Марата был сильный акцент, поэтому многие клиенты неохотно соглашались ехать.

– Погоди, если это наши ребята, сами подойдут.

Если сказать по совести, я не хотел сегодня никуда выезжать. Ведь это означало, что всю ночь глаз не сомкнешь. Вот если они приедут завтра, тогда другое дело.

Это дело можно было бы начать завтра, и все в шоколаде. Груз доставлен, клиент доволен и мы в полном порядке. Надо сказать, еще и лень давала знать о себе. Между тем они себя долго ждать не заставили. Не успел я объяснить это Марату, как один из приехавших постучал в дверь кабины.

– Здоров, мужики, дело есть, – начал он, – надо груз привезти сюда.

– Не понял, – говорю, – куда сюда и откуда?

– Да сюда, в Волгоград, из Владикавказа.

Я сразу смекнул, что это тот, кого мы так долго ждали, да и маршрут недалекий. И что это такого нет в Волгограде, что приходится тащить из Владика? Тот помялся немного, переступая с ноги на ногу:

– Выходи из машины, поговорим здесь.

Я стал быстро обуваться, понимая, что дело пошло, поймали то, что надо. Марат, не совсем понимая, о чем идет речь, коротко бросил:

– Что?

– Водка, – сказал я на армянском.

Спустившись с кабины на землю, я заметил, что их было уже трое. Мне вообще-то было все равно, сколько их было. Однако я заметил, что Мерседес куда-то уехал. Поэтому первое, что я спросил, так это куда делся ваш «мерин». Потом уже, спустя много времени, я не мог себе простить, что не придал этому значения. Ведь не просто так я обратил внимание на то, что машина вдруг отъехала, что номера ее я так и не смог увидеть. Вроде мелочь, но, еще служа во флоте, я вбил себе в голову: в любом деле мелочей не бывает, и случайности в работе – это скорее закономерность. А пока все мои мысли были заняты этими бравыми ребятами.

Эта работа высокооплачиваемая и выполняется только по устному договору, оплата только наличными, да еще и по повышенному тарифу. И ко всему этому очень опасная. Опасность заключалась в том, что весь Владик в эти времена представлял собой один огромный концерн по розливу паленой водки. Хотя надо отметить, что водка эта была намного лучше, чем заводская. К примеру, в Волгограде завод выпускал этот напиток гораздо хуже качеством, чем эта паленка во Владике. Проблема в том, что по закону производство спиртных напитков монополизировано государством. А это деньги немалые и с этим безобразием надо как-то бороться. Я имею в виду не с качеством, а с производством.

Издравне на Руси умельцы делали некоторые вещи лучше Государства, и поэтому их ущемляли, сажали в тюрьму. А их производство закрывали. Демидов печатал золотые

червонцы, которые были и качественнее, и тяжелее государственных. Баранов печатал четвертаки качественней Гознака. Осетия разливала водку качественнее, но ее надо было закрывать, и все тут. Что-то меня понесло не туда, политика – не мой конек.

Мне предстояло пустым переехать из Волгограда во Владикавказ, там загрузить фуру водкой и привезти ее в целости и сохранности в город-герой Волгоград. Проблема была в том, что по дороге из Владика в Волгоград стоят пикеты, которые как бы отлавливают перевозчиков с водкой. И если нас останавливали на этих постах, то мне приходилось идти и договариваться со служителями правопорядка. Весь договор – это размер оплаты за проезд. И тут как получится, если не договоришься, пойдешь как показатель хорошей работы наших внутренних органов. Но были и другие посты. Представьте проходящую через поселок дорогу, по которой ходят машины. Участковый берет себе в помощь двоих или даже троих родственников, надевает форму, желательно офицера, и они выходят на дорогу. Останавливают всех подряд, и если попасть к таким представителям правопорядка, то без оплаты проезд будет закрыт. Надо сказать, здесь поборы еще божеские, меньше чем у тех, что государю служат, хотя кто устанавливал тариф на взятки, как договоришься, так и будет. Вот мне и приходится договариваться со служителями государевыми и их коллегами о сумме их вознаграждения за бдительную работу. Чем меньше мы заплатим, тем больше

останется нам. Но все это потом, а пока мы стояли на стоянке и мирно беседовали, оговаривая все вопросы, стараясь не пропустить ни один пункт нашего устного договора. Надо сказать, наши переговоры проходили нормально. Каждый знал рамки, которые он должен был соблюдать, при этом не забывая основной свой интерес...

Вопрос был закрыт, цена была оговорена, в общем-то она устраивала обе стороны. Однако вопрос выезда из Волгограда оставался открытым. Они хотели, чтобы мы выезжали сейчас, я хотел это мероприятие перенести на завтра. Но, увы, кто платит, тот и заказывает музыку, а посему мы двумя машинами двинулись по направлению на Владикавказ. Нам надо было утром быть в Осетии – Республика Алания на стоянке города Алагир. Там мы должны были встретиться. Выехали из Волгограда, было темно, часы, прикрепленные к панели, показывали без четверти девять. В принципе тут идти-то восемьсот километров с хвостиком. На выездном посту из Волгограда нас, как и положено, остановили, проверили все документы, спросили, куда и зачем, больше просто так, чем по делу. Попрощавшись и пожелав друг другу всего хорошего, мы тронулись в путь. На въезде в Калмыкию стоит свой калмыцкий пост, на этом посту останавливают всех в ту или другую сторону. Здесь мозги вынесут, не жалея, хотя в итоге мы уедем, а они останутся, не получив ничего. Поставив машину на стояночный тормоз, я направился к стоящему возле поста инспектору, который потребовал оплатить

экологический сбор.

– Это еще что за номер, откуда взялся такой сбор, чушь, – говорю, – нет такого у Вас права, так как мой суперМаЗ налогами не облагается. Видишь, у него на лбу написано «Совтрансавто».

– Ну и что, что «Совтрансавто», все равно, все платят и ты должен. Смотри постановление президента Калмыкии, там перечислены все машины, которым положено платить.

Надо заметить, что чем больше углубляешься в республику, тем больше платить, а нам предстоит пересечь ее насквозь. Марат предлагает договориться и оплатить меньше, я же точно знал: это не тот случай, калмыки не слезут, пока своего не добьются. Не понял, говорит Марат, тогда что ты хочешь, на что надеешься? Заплати и проедем. Погоди, говорю нет такой модели МаЗ как моя. Все дело в том, что я не знаю, как, но в ПТС было написано: модель МАЗ 54333, а такой модели нет, есть 54322, 54325. Пошли посмотреть постановление. Видели бы вы глаза этого инспектора: и вправду в описи такой марки не было. Пришлось отпустить, оплатив только за КамАЗ Марата, мы тронулись в путь. Надо сказать, позже, проезжая через этот пост, мы узнали, что в этот список был включен МАЗ 54333. Чудеса да и только, ну скажите мне, где еще есть такой веселый и находчивый народ, как наш. Сам отвечу: нет такого. Мы одни такие, слава богу.

Почти на каждом посту мы останавливались, показывали документы и проезжали дальше. Минводы и Пятигорск

остались в стороне, мы приближались к конечной цели. Как и положено, мы утром были на месте. На стоянке машин было немного, все уже были на ногах и каждый был занят своим делом. Определившись с местом, я припарковал машину, поставил ее на ручник и заглушил двигатель. Николай с Ашотом достали газовые горелки и приступили к приготовлению завтрака. Плиток было две, поэтому сразу поставили чайник и сковородку, готовилась яичница. Все это делалось быстро, может подойти клиент и сорвать наш завтрак, а когда еще выпадет свободное время поесть. Но нам никто не помешал, поэтому мы спокойно позавтракали, просто сидели, пили чай вприкуску с конфетами, подставляя лицо раннему кавказскому солнцу, шурились от его колких лучей. Правду говорят, лафа. Я собирался пойти к себе в люльку поспать. Время было уже послеобеденное, и я опять вспомнил про этот «мерин». Спрашиваю у Марата, помнит ли он номер этой машины.

– Нет, – говорит, – а что?

– Да вот сам понять не могу, когда он стоял на стоянке, номера было не видно, когда ребята подошли к нам, он вовсе куда-то уехал.

– Все тебе какая-то гадость мерещится, – сказал Марат и стал заниматься своими какими-то делами. Ашот – это брат Марата, они работали вместе, и учитывая, что Марат старше, всю работу на стоянках делал Ашот. Мне же помогал мой шурин Николай. Они недавно перебрались из Украины (они

жила на Донбассе, где он работал шахтером) У нас же все хозяйственную работу делал он.

Прошло еще чуть больше часа, Колян наклонился надо мной и коротко сказал:

– «Мерин», ребята подъехали.

Теперь я точно знал, что этот «мерин» должен показать мне свои номера, однако он остановился чуть в стороне и как-то боком. Конечно же, номеров не видать. Пока эти ребята шли к нам, я сказал Ашоту:

– Подойди к Мерсу и запиши его номера.

Меня прямо-таки бесило, что я не могу увидеть номера этой машины. К тому времени ребята подошли, мы поздоровались, стали говорить о том, как дорога, когда мы будем готовы, в общем, ничего особенного. Как только закончилась эта болтовня, я спросил у старшего из их группы, его звали Мансур:

– Когда мы поедem на погрузку?

– Да прямо сейчас, вот только сейчас будем грузить только КамАЗ.

– Почему так? Мы приехали двумя машинами, а грузим одну. Договор был о двух машинах, так давай грузить обе, в противном случае мы вообще грузиться не будем.

– Успокойся, – говорит Мансур, – мы сначала загрузим КамАЗ, потом супера.

– Хорошо, договорились.

Ашот с Николаем стали собирать КамАЗ к работе. МАЗ

должен будет грузиться позже. Марат отвел меня в сторону и говорит:

– Давай на КамАЗе поедешь ты.

– Че так, твой КамАЗ, ты и езжай.

– Нет, мне что-то не по себе, я устал и все такое.

Я знаю Марата хорошо, мы с ним дружим давно, а для меня дружба не просто содрогание воздуха. Я сам очень ленивый, но мой друг – это было нечто, своей ленью он даже меня поражал.

– Ладно, – говорю, – поеду с Ашотом, а Николай останется с тобой в МАЗе.

Я взял ключи, сел за руль и завел машину. Хотя машина исправна, все равно КамАЗ требует подкачку воздуха в систему. К тому времени в кабину залез Ашот. Мы готовы были ехать, я стал глазами шарить по стоянке, чтобы найти Мансура. Наши клиенты стояли возле своего «мерина» и что-то обсуждали, номеров машины опять не видать. Я понял: это они специально делают так, чтобы их не было видно.

– Ашот, скажи мне, ты записал номера этого Мерса, будь оно неладно?

– Нет, – говорит.

Тут я взбесился.

– Как нет? Я же тебе сказал: сходи и запиши эти чертовы номера. Почему не сделано? Я ж тебе говорил, пойди и запиши.

Ашот знал наши с Маратом отношения, и он четко пони-

мал: все, что я сказал, было законом для всех, включая Марата. Ашот молча сопел, опустив голову.

– Что заткнулся, скажи что-нибудь.

– Николай был занят, – начал Ашот.

– При чем тут Николай? Я тебе сказал, а не ему, вы так скоро на горшок вдвоем бегать будете.

В это время открылась дверь, там стоял один из этих ребят.

– Тебе что надо?

– Зачем ты так? Мансур сказал с вами ехать, чтобы дорогу показывать.

Этот парень был накачан и, судя по поломанным ушам, занимался борьбой. Станным было то, что он не обратил внимание на мою грубость. Осетины – народ горячий, и это хамство не должно было пройти незамеченным.

– Ну раз Мансур сказал, садись, – сказал я.

Он сразу с места влетел в кабину.

– Извини, – говорю, – за грубость, на трассе менты достали и не спали вовсе.

– Да ладно, брат, сочтемся, поехали.

Начали движение. Сама стоянка находилась во впадине. Поднявшись на косогор, я увидел номера Мерса, но они не читались – было далеко.

– Едем за ним, – сказал мой пассажир.

– Едем, – ответил я.

Сам я уже точно понимал, что впереди нас ждут боль-

шие неприятности. Интуиция всегда была начеку и заранее сигнализировала об ожидаемой опасности. Ребята говорили, что у меня чуйка, как у собаки и я никогда не пропаду. Между тем мы выехали на перекресток, свернули направо, выехали за город, и дорога повела нас между полями.

Надо заметить, все поля были убраны и ухожены, сегодня, 12 апреля, день космонавтики, было тепло, сухо. В этой республике я был много раз и знаю ее неплохо, однако этот участок я видел впервые. Проехав километра полтора-два. Мерседес остановился, из него вышли двое, открыли багажник и стали что-то там разглядывать.

– Что там? – спрашиваю у пассажира.

– Не знаю, – отвечает, – пойди, посмотри, может, помочь надо. Я посидел немного, поставил машину на ручник, попросил Ашота сидеть в машине и не выходить не за что, пока я сам не скажу. Сам пошел посмотреть. Эти двое стояли перед багажником, глубоко опустив в него свои головы. В этой позе так и стояли, когда я приблизился к ним. Только я подошел, они как по команде вылезли из багажника и направили на меня оружие – это были два новеньких Макарова. Я сам хорошо знаком с оружием и Макарова знал хорошо, даже если это был муляж, то очень хорошего качества. Я так и стоял на месте, не зная, что надо делать: бросаться на одного из них и попытаться отобрать у него оружие? Так может, он сам из тех, которые отбирают оружие? Время летело с бешеной скоростью, пульсируя у меня в висках. Первым из этой

ситуации вышел Мансур.

– Не шали, армян, посмотри туда.

Я обернулся. Пассажир, сидевший с Ашотом, держал пистолет у его виска.

– Я все-таки не понимаю, что дальше, если вам нужны деньги, можете забрать, если вам нужна машина, тоже заберите, – сказал я.

Они разошлись в разные стороны, и теперь расстояние между мной и Мансуром было как минимум три метра. Пытаться достать кого-нибудь из них было рискованно. Надо сказать, что у второго дрожала рука, в которой было оружие, думаю, он может выстрелить просто так, от страха. Страх – самое опасное оружие.

– Армян, – снова заговорил Мансур, – скажу тебе честно, я боюсь тебя, мы думали, поедет Марат, а поехал ты. Тебе лучше не дергаться.

Обстановка сама собой разрядилась, и уже не чувствовалось того холодка на спине. Многие, кто попадал в неприятности, наверняка помнят этот предательский холодок, который вроде как бы не мешает, но твердо дает знать, что он есть и находится у тебя за спиной, сковывая движения.

Он махнул рукой, находящийся в кабине пассажир вывел Ашота, и они медленно двигались к нам.

– Давай залазь в багажник, – скомандовал мне Мансур.

– Зачем тебе это? Давай поговорим здесь и сейчас решим все вопросы.

– Залазь, не доводи до греха, я тебе уже говорил, что боюсь тебя.

Я уже твердо понимал, что если и была возможность разобраться с ними, то я ее упустил. Тут подошел Ашот и чуть не плача попросил меня соглашаться с ними и не спорить.

– Мансур, – говорю, – мне сейчас трудно сказать, чем это все закончится, но знай, что если у меня будет хоть секунда времени, ты пожалеешь о своем поступке.

И я полез в багажник этого Мерседеса, номера которого я так и не смог увидеть. Следом за мной полез Ашот. Надо сказать, в те годы в Чечне шли боевые действия, на территории этой республики содержалось много россиян в качестве рабов-заложников, и нас могли отвезти туда, благо до нее рукой подать. Как только захлопнулась крышка багажного отсека. Мерс рванул с пробуксовкой и понесся вперед, унося нас в неизвестность. Ашот здорово напугался, и мне пришлось потратить много сил и времени, чтобы хоть как-то успокоить его. В принципе он уже успокоился, только плакал, вспоминая свою маму, которая будет долго переживать и плакать за убиенного сына. Ведь он даже не был женат и поэтому у его мамы не будет внуков от Ашота. Потом он долго доказывал мне, что я виновен в том, что у его мамы убили сына. Конечно, я понимаю все, но сейчас мне надо было найти в багажнике хоть ключ какой-нибудь. Никогда в жизни я не видал таких чистых багажников машин, там не было ничего – просто стерильно чисто. А Мерседес летел вперед,

куда-то вдаль. Прошло где-то около часа, и я услышал знакомый шум, прислушался, посчитал все повороты и уже точно знал: нас катают по кругу. Стал рассказывать об этом Ашоту.

– Слушай внимательно, сейчас будет поворот направо и вверх, пробуксовка чуть вперед и направо.

Забегая вперед, скажу, что этот день космонавтики я запомнил на долгие лета. Катали нас долго, я просто потерял счет времени, даже Ашот перестал ныть. Машина сделала какой-то неизвестный мне поворот и потянулась вверх.

– Ашот, – спрашиваю я, – ты заметил, мы поехали в другую сторону?

Но он промолчал. Машина долго не останавливалась, и это меня очень беспокоило. Тогда я предложил Ашоту поменяться местами – он находился ближе к выходу, и когда нас начнут выводить, ему пришлось бы выходить первым. Все наши старания были тщетны, мы так и не смогли поменяться местами. Тогда я предложил ему притвориться, что вроде ему стало плохо и он потерял сознание. Мол, я скажу им: «Ашот потерял сознание» и вылезу первым. А там посмотрим, кто есть кто. Мы вроде договорились, но как только открыли крышку, Ашот выпрыгнул из багажника, и я остался в закрытом багажнике один. Время встало, трудно сказать, сколько я один просидел в одиночестве – мне казалось, прошло много времени. Между тем снаружи было тихо. По крайней мере я ничего не слышал.

Крышка багажника медленно поползла вверх. Я лежал и

ждал, кто подойдет ко мне, но подходить никто не собирался. Раздался голос Мансура:

– Армян, не шали, вылезай из багажника.

Голос его был грубее, раздраженнее, было понятно, его что-то раздражало. Видно было, что он успел здорово поругаться. Пришлось выбираться из багажника. Выглянув наружу, я заметил, что все трое стояли по кругу. Ашота не было, на земле валялась Маратовская сумка. Обычно в этой сумке Алла, жена Марата, укладывала сменное белье, носки, трусы, майки. Я опять ощутил тот же холодок на спине. Понимая, что дело идет к завершению и надо срочно принимать решения и действовать, я заорал во все горло на того парня, у которого тряслись руки от страха:

– Ты, тварь, куда ты девал Ашота, я убью тебя за этого пацана.

Он растерялся, попытался оправдаться, что-то начал говорить, опустив пистолет. В этот момент я прыгнул на него, и мы оба покатались к обрыву, на краю которого мы стояли. У меня было несколько секунд времени, единственный, кто мог бы выстрелить, был Мансур, но он тоже не стрелял – его друг был повален на снег, и стрелять было рискованно. До края оставалось меньше двух метров. Я сделал прыжок с кувырком через голову и полетел вниз по крутому склону горы. Я практически провалился в глубокий снег, ударился об камень и полетел дальше вниз. Где-то там зацепился за какую-то корягу – это было поваленное дерево. Хотя снегу

было много, после этого полета болело плечо, и все лицо было посечено ветками. Во время падения я четко слышал выстрел. Значит, он был готов стрелять, молодец, подумал я, прижимаясь к склону горы. Я лежал в снегу, а там, наверху, кто-то ругался грубым матом, обещал отыскать меня и дело довести до конца. Потом раздалось еще несколько выстрелов. Я понимал, что меня уже никто не найдет, а если найдет, то пожалеет об этом. Настала гробовая тишина, слышно было, как завелся мерс, и машина уехала.

Полежав еще немного и послушав тишину, я начал потихоньку двигаться к верху. На склоне горы снега было по пояс и двигаться было тяжело, зато канал, который я прорубил, падая вниз, был очень кстати. Когда я выбрался наверх, там не было никого, мерс уехал и забрал Маратовскую сумку. Ашота нигде не было. Пришлось орать сколько есть мочи. Наконец слышу голос моей потеряшки. Он находился на дне этого склона, слышимость была хорошей, я боялся навлечь на себя еще бед. Склоны Казбека были богаты дикой тварью. В конце концов все стало понятно, Ашот боится подниматься наверх, и мне самому пришлось спуститься вниз, уговаривать его подняться со мной наверх. Еще через час мы оба стояли на площадке, вокруг снег, темень и звезды, свет которых доходил до нас. Надо же, куда нас привезли. Дул сильный ветер, да и температура была где-то около пяти градусов ниже нуля. Конечно, кто-то скажет: подумаешь, пять градусов мороза, согласен. Но на мне были тапоч-

ки, которые я потерял во время полета, спортивные штаны и футболка без рукавов, все промокшее насквозь. Ашот был в ботинках, куртке и брюках. Я снял с него рубашку, порвал ее и намотал портянки. Теперь надо было определиться, в какую сторону идти. Дорога была одна, в одну сторону она шла вниз, в другую вверх. Пошли вниз. Идти было тяжело, болели ноги. На самой дороге снега было мало, а на обочине снег покрылся льдом и идти стало еще труднее. Горная дорога – само по себе тяжелое препятствие, а мне приходилось идти почти босым. Обмотки на моих ногах быстро приходили в негодность, и от них оставался только верх. Ошметки торчали вокруг ног, и выглядело это как зонтик, оберегающий ногу от дождя, но дождя не было. Был мороз, судя по тому, как быстро высыхала на мне футболка, градусов пять-семь. Надо заметить, что штаны на мне от мороза отвердели, а футболка почти высохла, и холодно было только рукам и ногам. Ноги замерзли, нет, скорее, они ооченели, и холод уже не мешал. Чем дольше мы шли, тем ниже мы опускались вниз, тем больше болели ноги и уже начала из них выступать кровь. В общем, с каждым шагом надежды на спасение становится больше, а вместе с ней больше становились раны на моих ступнях.

– Ашот, – говорю, – почему тебе купили такую некачественную рубашку? Видать, приобрели на барахолке по цене один кг – пять копеек.

Но ему было совсем не до шуток, поэтому он здорово оби-

делся и еще долго ворчал, говоря о моем хамстве и наглости:

– Это надо же, порвал мою рубашку и еще недоволен, что она рвется на такой дороге.

Между тем стало совсем темно, а идти еще труднее. Мы остановились.

– Давай отдохнем.

Футболка на мне совсем была мокрой от пота. Парадокс: идешь быстро, потеешь, и белье на тебе мокнет. Но тебе тепло. Медленно все высыхает, и тебе холодно. Постоянно дул ветер, не прерываясь ни на секунду, и поэтому штаны на мне были покрыты ледяной коркой, а по бедрам стекала струйка пота, которая где-то там внизу замерзала. Я сел прямо на дорогу, покрытую мелким камнем, подняв ступни, попытался как-то обезболить их. Увиденное меня поразило. Я был не готов увидеть такое: вместо ступни – сплошной фарш. От увиденного мне стало еще больнее. Боже, я точно знаю, что грешен, даже знаю, в чем мой грех, я даже пытаюсь как-то бороться с этим. Но ведь не настолько же я безнадежно потерян. Что ты делаешь?

Ашот опустился возле меня на корточки и завыл, как будто это была его нога.

– Как ты идешь, ведь на это смотреть невозможно, я представляю, как тебе больно.

– Ну вот видишь, как я мучаюсь из-за твоей рубашки, – сказал я.

– Идиот ты, еще шутишь! Как мы дальше пойдем? По-

смотри на это, их теперь даже назвать ногами нельзя, а тебе надо встать и идти. Сколько нам еще идти?

– Вот, – говорю, – досада, язык не достаёт.

– Куда тебе надо достать языком, что ты не можешь?

– Да вот, надо облизать их, им станет легче, и мы спокойно пойдём дальше. Может, ты попробуешь? Твой язык длиннее.

Но шутка не удалась, Ашот совсем расстроился, и теперь он или молчал, или ругался, бурча себе под нос:

– То чуть не угробил меня, потом, видишь ли, рубашка ему не нравится, теперь ноги оближи ему. Скотина.

Я почистил обе лапы от мелкого камня и грязи, встал, и мы продолжили наш путь.

– Не бойся, наше дело правое, мы победим, а когда придем домой, я куплю тебе новую рубашку, даже лучше, чем эта, – сказал я.

Но он делал вид, будто не слышит меня.

Вдруг я услышал ржание лошадей.

– Слава богу, нашим мучениям приходит конец.

Ашот обрадовался и как-то воспрял духом, а духовная сила в таких ситуациях дорогого стоит.

– С чего ты решил, что скоро конец нашим мучениям? – спросил он.

Надо сказать, я сам ели сдерживал себя, чтобы не завывать от боли и усталости. Я точно знал: ничто, кроме уверенности, не помогает преодолеть трудности.

– Ты слышал ржание лошадей, а это значит, что скоро де-

ревня. И вообще, вон внизу горят огни, видишь, действительно, где-то меньше двух километров пути, и мы в деревне. Скажи, мой юный друг, когда бы тебе пришлось прогуляться по склонам трехглавого Казбека, да еще ночью, и если к этому прибавить опасность встретить волка или стаю волков... Представляю, сколько им понадобилось бы времени, чтобы сожрать нас двоих.

Тут я перебрал. Мой юный друг резко развернулся и встал как памятник. Он так тупо смотрел куда-то вдаль, что я подумал: кто-то идет за нами. Пришлось самому оборачиваться, но там никого не было.

– Ашот, что с тобой? – спросил я, а он стоял, и было такое ощущение, как будто он не дышит. Я подошел поближе и потрусил его за плечо:

– Да что с тобой?

Не шевеля ни одним мускулом на лице, он сказал:

– Волки, здесь водятся волки?

В вопросе так явственно чувствовался страх, что у меня по спине поползли мурашки.

– Ну да, а как ты себе представляешь Казбек без волков, да тут их валом. Нам просто повезло, что мы успели уйти, да и кровь стала идти не сразу. Когда машина поднялась в гору, они разбежались, потом стрельба. Волки – умные твари, они оружие хорошо чувствуют и бегут от него. Потом, услышав голоса, потихоньку начинают сходитьяся. Ты думаешь, почему тебя оставили в живых? Они точно знали: волки не дали

бы тебе далеко уйти. Судя по всему, меня живым боялись оставлять, но что-то не сошлось, нам просто повезло.

– Повезло, – воющим голосом сказал мой юный друг, потом обнял меня и разрыдался.

– Ну перестань, ты чего, успокойся, и все будет хорошо, нам надо идти.

Немного похныкав, он успокоился и уже стал понимать всю опасность, о которой он даже не догадывался. Ашот стал внимательнее и серьезнее относиться ко всему окружающему нас. Мы уже подходили к деревне, как за нами раздался вой волка, потом еще и еще. До деревни оставалось чуть больше километра, вой волков приближался, и я понимал, что нам надо как-то ускориться, но как, я еле волочил ноги. Я уже говорил, что страх – огромная сила и он может многое. Не зря говорят: два чувства правят миром – Любовь и Страх. Так или иначе, я, сильно хромая на обе ноги, пошел быстрее.

Трудно сказать, как пошли бы наши дела дальше, но из деревни на нас бежала свора собак и громко лаяла. Огромные псы. Кавказские овчарки, громко лая, понеслись мимо нас. Вскоре свора пропала в ночной мгле, потом и лай прекратился и вся эта свора пошла назад. Конечно, быть заживо съеденным хуже, чем разорванными в клочья, страх уже подкатил к горлу и становилось тяжело дышать. Уже светало, и в этих сумерках было видно, как собаки, довольные нашим спасением, приближались к нам. Я понимал, что сейчас не до шуток и надо что-то делать, эти собаки сторожевые, их

интересует только охраняемый ими объект. Не придумав ничего умного, я скомандовал Ашоту сесть на землю, опустить голову и сидеть, не издавая звука. Сам, конечно, сделал так же. Собаки подбежали к нам, играючи стали обнюхивать нас. Агрессии с их стороны не было, да и уходить они почему-то не собирались. Посидев на холодной земле немного времени, я стал разглядывать одну псину, которая прижалась к моей спине и стояла, гордо задрав морду. Собак я любил с детства, но здесь было не до любви. Пес был такой здоровый, из его пасти свисал огромный алого цвета язык, от которого шел пар и воняло псиной. Я потихоньку повернулся к нему и попытался заговорить с ним:

– Ты долго собираешься охранять меня?

Потихоньку болтая всякую чушь, я стал гладить его, даже постучал по морде. Надо сказать, он был спокоен, даже не шевелился, однако я стал замечать, что другие собаки как-то ходят вокруг нас кругами, словно ревнуя. Тут меня осенило: это сука, у которой была течка, а кобели, окружавшие нас, не понимая, что надо делать, ходили вокруг. У Ашота был ремень на брюках.

– Снимай, – говорю, – мне нужен твой ремень.

Сняв ремень с Ашота, я надел его на нового друга или подругу, завязал так, чтобы не задушить собаку. Теперь можно вставать. Вот так, в сопровождении своры собак, мы двинулись дальше. Прямо перед деревней проходила асфальтированная дорога, которая и должна была привести нас в город

Алагир. Когда мы вышли за село, я отвязал собаку, поблагодарив ее за наше спасение, и дальше мы пошли без охраны. Пошли – это громко сказано, но, тем не менее, мы шли и с каждым шагом приближались к назначенному пункту. На дороге появились горящие вдали фары. Машина приближалась с большой скоростью, я даже думал, что она не остановится. На всякий случай поднял руку, она проехав метров двести и встала. Ашот попросил довезти нас до города. Пока он договаривался, я подошел, мы сели, и, как только закрылась дверь, я пожалел, что мы сели в эту машину. Водитель, который сидел за рулем, был пьян, нет, не просто пьян, он был в хлам. Сам он еле сидел, держался за руль, чтобы не упасть, его так качало из стороны в сторону, что Ашоту приходилось придерживать его.

– Вы куда едете? – спросил он.

– Извини меня, а ты сам вообще куда летишь?

Этот ЗиЛ 133 летел по горной дороге с такой скоростью, что на поворотах его заносило. Дорога шла между горой, вертикально стоящей с левой стороны, и обрывом, внизу которого справа журчал ручей.

– Не бойся, брат, я эту дорогу хорошо знаю. Тебе куда надо? Довезу, куда скажешь.

– В ментовку, – коротко сказал я.

– Хорошо, только близко подъехать не смогу, – закончил он, с трудом выговаривая слова.

Немного помолчав, я спросил его:

– Так ты думаешь, мы все-таки доедем?

Между тем дорога выпрямилась, уже не надо было петлять, и вскоре мы уже ехали по прямой городской улице. Подъехав к мигающему светофору, машина встала на середине перекрестка. Водитель протянул руку через кабину и что-то пытался сказать. Правда, мы совершенно не понимали его, но из сказанного я понял только то, в какую сторону надо идти. Вывалившись из кабины, я перекрестился, слава богу, мы доехали. Надо сказать, я здорово был напуган этой поездкой.

– Я ничего не понял, что он сказал, куда идти. Он что, не мог подвезти нас к отделу? – выругался Ашот.

– Успокойся, нам туда, – скомандовал я и, хромя на обе ноги, пошел дальше.

Надо сказать в машине было очень жарко, за время нашей поездки мои штаны растаяли и опять были мокрыми, поэтому идти стало еще труднее. Ноги тоже почувствовали тепло, стали отходить и уже сильно разболелись, да так, что не то что идти, я стоять не мог. Такое ощущение, будто в ступни ног вбили ежа. Пункт милиции был освещен своими огнями, поэтому мы его увидели издалека. Конечно, идти по асфальту было намного легче, чем там, в горах, но боль не утихала. Между тем надо напомнить, что шли уже третьи сутки, как мы выехали из дома. Ашот еле волочил ноги, он так устал, что готов был лечь прямо на асфальт, но, кроме усталости, нас добивал голод. В машине, на которой мы добирались до

города, была бутылка с водой, которую мы осушили до доннышка, утоляя жажду. Я много раз слышал об обезвоживании, но вот так попробовать это на себе пришлось впервые. Это очень сложное и труднотерпимое состояние: вокруг холодно, а у тебя рассохлись губы, полностью высохло горло, тяжело дышать, мышцы отказываются подчиняться, и поэтому ощущается какая-то скованность, в итоге весь твой рас­судок подсказывает тебе: «Брось все это, сядь, отдохни».

– Вот отдыхать точно нельзя, сейчас отдых – наш первый враг, – говорил я Ашоту, – как только мы присядем, больше не сможем встать, и начнется переохлаждение, а это конец.

Складывалось впечатление, как бы это сказать, что, делая шаг вперед, мы отступали от РОВД на два шага назад, и все это выглядело как что-то, стремящееся в бесконечность. Но мы все-таки добрались до отделения. Двое милиционеров стояли на крыльце и с интересом наблюдали за двумя об­рванцами, идущими прямо по проезжей части дороги. Уже было достаточно светло, но было безлюдно и машин тоже не было. Увидев служителей правопорядка, я сразу спросил у своего друга:

– Как ты думаешь, они додумаются помочь нам или так и будут смотреть?

Когда мы подошли вплотную к крыльцу, один из них поинтересовался:

– Вы куда так идете?

– Мне почему-то кажется, что в таком виде можно ид-

ти только в ментовку, – сказал я раздраженным голосом, правда, и голоса тоже не было, поэтому меня почти не было слышно.

Постояв немного и переговорив между собой, один из этих служителей спросил:

– Вы сами откуда?

– Из Волгограда, – коротко ответил я.

– А почему вы в таком виде?

Мне это не понравилось:

– Ты сам-то кто, что допрашиваешь меня, стоя на улице?

Сказав это, я попробовал пройти мимо них в отделение. Однако им, в свою очередь, это не понравилось, и сержант оттолкнул меня, не понимая, что перед ним стоял живой труп. Я отлетел в сторону, упав на асфальт...

Какой-то резкий запах заставил меня очнуться. Я лежал на чем-то твердом, надо мной свисала пожилая женщина в белом халате и что-то причитала. Придя в себя окончательно, я почувствовал боль по всему телу, а особенно сильно болело разбитое в горах плечо.

– Как Вы? – спросила врач. – Сволочи они, разве это люди! Что они с Вами сделали, за что, так разве можно с людьми...

Наверное, это продолжалось бы долго, но я поднял голову и попросил немного воды. Она тут же подала мне стакан сладкого чая. Надо бы найти те слова, которыми бы я мог отблагодарить эту женщину, но слов не было, и поэтому я просто сказал:

– Спасибо Вам, матушка.

В слово матушка не входило значение «мама», но оно было очень близко к тому, чтобы она поняла, насколько я был благодарен ей. Выпив чай, я сказал, что они меня не били.

– Вы, наверное, боитесь их, поэтому так говорите.

– Да нет, я пришел сюда в таком виде.

Как оказалось, когда я упал, ударился об асфальт и потерял сознание, меня перенесли в свободную камеру и вызвали скорую. Я уже сидел на нарах, приюхиваясь к ватке, смоченной нашатырем, когда в камеру вошел сержант.

– Ожил? – спросил он, не переступая порога камеры.

Я утвердительно потрусил головой.

– Тогда вставай и пошли. Можно, доктор? – обратился он врачу.

Она повернулась к нему и на одном дыхании выдала:

– Куда пойдешь?! Ты слепой, не видишь, в каком состоянии его ноги? Скажи мне, как он может ходить на таких ногах?

Она убирала окровавленные бинты, оставшиеся после их промывания.

– Пойди, принеси, во что ему можно обуться.

Сержант, ничего не говоря, повернулся и пропал за косяком камеры.

– Сиди, – обратилась она ко мне.

Набрала в шприц лекарство, подошла ко мне.

– Давайте я Вам укол поставлю, на всякий случай, – сказала, она протирая мне руку ваткой.

Игла вонзилось в тело, и содержимое шприца опорожнилось в мое тело.

Вернулся сержант, в руках у него были довольно хорошие тапочки.

– Вот что нашлось, попробуй, обуйся.

В общем, было бы все хорошо, но ноги были обмотаны бинтом, и поэтому они стали еще больше. Надрезали тапочки сверху, и ноги как-то влезли в них. Я привстал и, сраженный болью, упал обратно на нары.

– Не понял, – сказал я от злости, – что это такое с моими ногами.

Женщина повернулась ко мне и сказала:

– Пришлось отсечь отмершую ткань. Иначе могло быть заражение или, еще хуже, загноилась бы. Мало что камень рвал мякоть Ваших ступней, да еще обморожение доделало свое дело. Так что я все сделала правильно и насколько у меня хватало знаний.

Позвали Ашота. Я поблагодарил врача, пожелав ей долгих лет жизни, оперся на своего друга, и мы направились к следователю, который ждал нас у себя в кабинете. Кабинет находился на первом этаже. Постучав, мы вошли.

– Проходите, присаживайтесь, – сухо сказал следователь.

Мне уже была знакома эта интонация, поэтому я приготовился к плохому. Хотя найти что-то плохого в наших деяниях трудно. Но логика наших ментов была непредсказуемой. Представьте мое удивление, когда я увидел протокол допро-

са обвиняемого. Трудно сказать, как они пришли к решению обвинить нас в том, что мы продали свою машину и пришли жаловаться, утверждая, что машину у нас украли. До моего прихода Ашота уже допрашивали, поэтому он все время пытался что-то сказать, но сержант постоянно затыкал его.

С нами поздоровались и предложили присесть. Следователь представился и как-то необычно вежливо спросил:

– Рассказывайте все по порядку, от начала до конца, все, как было.

Я сразу смекнул, они уже все знают, и сделали свои выводы. Поэтому нас «закроют» и уговорят подписать все, что они посчитают нужным.

– Извините, до какого конца?

– Умничаешь? Я покажу тебе такой конец, что залюбуешься! – заревел на меня следователь. – Я тут и не таких обламывал, ты еще пожалеешь, что на свет родился.

На шум в комнату вбежал сержант с резиновой дубинкой в руке. Прямо с порога он замахнулся, чтобы ударить меня. Я сразу почувствовал, как мне будет больно, и сжался в клубок, как будто меня уже ударили, подставляя под удар спину. Можно подумать, получить такой удар по спине будет легче. Тут я почувствовал острую боль в реберной части. Болели обе стороны, да так, что я застонал. Следователь поднял руку и крикнул сержанту:

– Стой, не надо, дай я поговорю с ним.

– Хорошо, я подожду за дверью, – сказал сержант и вы-

шел.

– Видишь, как мне приходится защищать тебя, а ты как себя ведешь! Устроил мне нервотрепку, конец ему подавай, видите ли.

Я выпрямился, сидя на стуле, а боль в ребрах не проходила.

– Извини, офицер, я не хотел никого обижать.

– Ну раз так, – сказал следователь, – то сейчас подпишем все бумаги и свободны, идите, куда хотите. Подпиши здесь, здесь и вот тут, – сказал он, подавая мне на подпись листы допроса.

Я внимательно читал это дело и уже понимал, что, оказывается, это мы сами продали машину и пытаемся оправдаться. В то же время я понимал, чем все это закончится, если я не подпишу. Поэтому я долго и внимательно читал эту ахинею, потом резко поднял голову и спросил у сидящего напротив капитана:

– О какой машине здесь говорится?

Он остолбенел.

– Как какая машина? Вы же приехали из Волгограда на КамАЗе.

– Хорошо, допустим, мы приехали, и что, это дает кому-то основания думать, что мы продали его? Я Вам не говорил, что у меня был КамАЗ. Может, клиент, который купил этот КамАЗ, пожаловался, мол, машина плохая, тащите его сюда, будем разбираться?

Он слушал молча и кивал головой, потом вдруг сказал:

– Тебе, наверное, кто-то сказал, что ты умный, а ты решил, что умнее меня.

– Только бить меня не надо, – сказал я, – мне и так плохо. Почему-то поднялась температура, и меня начало знобить.

Он взял трубку телефона, стоящего на углу стола, и что-то стал говорить. Разговаривали они долго, язык, на котором они говорили, я не понимал, но по интонации было понятно, что собеседники ругались между собой. Договорив, он положил телефонную трубку и, ухмыляясь, сказал:

– Пошли, посмотрим, как там будешь шутить.

Опять пришлось вставать на ноги, которые отказывались подчиняться. Боль усиливалась, почему-то сильно болел весь торс и спина, еще температура мешала сосредоточиться и трезво понимать происходящее вокруг. Идти пришлось на второй этаж, как оказалось, нами заинтересовался начальник криминальной милиции. Всю дорогу мы шли под пристальным вниманием того же сержанта. Наконец, добравшись до нужной двери, он командовал: «Стойте здесь», – и показал на одно из окон в коридоре. Мы отошли в сторону и встали возле окна. Только сейчас я понял, что уже был день. За окном светило солнце, пели птички, цвели деревья.

– А сколько сейчас времени?

Ашот пожал плечами, не желая говорить. Мимо проходил пожилой мужчина в шляпе, я обратился к нему с тем же вопросом. Он остановился и вежливо ответил:

– Тринадцать двадцать пять.

Я так был поражён услышанному.

– Спасибо, а это какое время, разница между Волгоградом сколько часов?

– Вы о чем, какая разница, нет никакой разницы во времени с Волгоградом. – Сказав это, он повернулся и пошел дальше вглубь коридора.

Открылась дверь, сержант скомандовал:

– Проходите.

Мы вошли в кабинет. За большим столом сидел довольно молодой майор. Он был чисто выбрит, и от него пахло хорошим одеколоном. Посмотрев на спокойное лицо майора, я почувствовал, что это был сильный и уверенный в себе человек, наверное, от этого становилось спокойнее.

– Вы почему хулиганите? – не здороваясь, спросил он.

Я молчал, не зная что сказать. Пауза затянулась, я понимал, что говорить надо начинать мне. Не придумав ничего умного, я громко и уверенно сказал:

– Ну да, конечно.

Майор поднял голову, осмотрел меня с ног до головы и сказал:

– Ты не настолько глуп, как о тебе сказали.

– Он сам дурак.

– Не наглей, – глаза его стали колючими.

– Извините, – ответил я.

– Итак, что там случилось? – как-то между прочим поин-

тересовался хозяин кабинета, сам в это время ковыряясь у себя в столе.

Я продолжал молчать, тупо уставившись в пол. Майор закрыл свой шкаф и, обращаясь ко мне, сказал:

– Вы приехали к нам, чтобы продать свою машину, продали и, чтобы скрыть свое преступление, стали говорить, что Вас ограбили.

Я посмотрел на него, не зная, как возразить. Майор заметил мой взгляд

– Хотите что-нибудь добавить?

– А надо? – спросил я.

– Попробуй.

– Потом, после того как мы продали машину, мы разделись и пошли гулять по склонам ночного Казбека. Нагулявшись вдоволь, пришли к Вам. Только вот досада: мы не подумали, что будет так холодно и что в РОВД нам даже стакан чая не предложат. Мы с другом ели в последний раз три дня назад. По-моему, слухи о кавказском гостеприимстве сильно преувеличены.

– Вы хотите сказать, что всю ночь шли по горам вот в таком виде? Тогда ты очень счастливый человек. Там столько волков, они же должны были сожрать вас, и температура сегодня ночью была ниже нуля до двадцати градусов. – Помолчав, он добавил: – Ты действительно счастливый человек.

– Конечно, счастливый, иначе не попал бы в этот кабинет и не смог бы познакомиться с таким человеком, как Вы.

– А ноги что? – спросил он.

– Босиком по горам.

Тут его как ужалило.

– Да садитесь Вы, вот здесь, – и показал на стул. – Подыми свою футболку, – попросил майор. – А это откуда? Я стоял перед ним как один сплошной синяк, да я и сам не понимал, почему все тело стало синим.

– Это Ваши его били, когда он валялся на асфальте, – вдруг сказал Ашот.

Мы с майором, выпучив глаза, повернулись в сторону Ашота.

– Да, – повторил он, – когда тебя толкнули, ты упал. Они вытащили дубинки и давай тебя избивать. Я говорю им, перестаньте, вы убьете его, а этот сержант, который нас охраняет, сказал: не сдохнет, а если что, скажем, что пытался захватить оружие.

– Какой сержант? – заревел майор.

На его крик вбежал сержант с резиновой дубинкой в руке.

– Вот этот, – сказал Ашот.

Майор вскочил с кресла и заорал на сержанта. Что-то долго говорил, затем резко замолчал, добавил:

– Идиот, кретин, пошел вон.

Тот, не говоря ни слова, вышел. Майор взял лежащую на столе мобилу и позвонил.

– Извини, многие говорят, вот пошел человек служить в милицию – стал негодяем. Так вот я тебе скажу: мы, Ичко-

евы, менты в четвертом поколении, за всю свою службу ни разу руки на поднял на человека, тем более с дубинкой, – подытожил он.

Он посмотрел на Ашота и хотел что-то сказать ему, но тут открылась дверь, и в нее вошла необычно красивая молодая горянка. Я сам родился на Кавказе и понимал, что любоваться красотой чужих женщин неприлично, я бы сказал, опасно. Тем временем она как-то уверенно прошла в кабинет, спросив разрешения у хозяина кабинета скорее для приличия. В мгновение ока девушка стала выкладывать с подноса на стол всякие продукты. Она уверенно разлила чай по чашкам, аромат которого расходился по всему кабинету. Я сразу ощутил такой голод, что разболелся желудок. Нас сразу пригласили к столу:

– Налетай, и не стесняйтесь.

Команда «Налетай» была исполнена. Я сразу взялся за чашку с чаем. Надо сказать, чай был предусмотрительно не сильно горячим. Поэтому я пил, не обжигаясь. А вот осетинские блины были настолько горячими, что есть их было невозможно. Я попытался поблагодарить нашу кормилицу, но получалось какое-то мычание и чавканье.

– Ешьте, ешьте на здоровье, будьте нашими гостями.

Еды было много, мы потихоньку стали наедаться. Вдруг я почувствовал легкое головокружение, которое усиливалось, и, уже теряя сознание, подумал: «Нас отравили».

Трудно сказать, сколько прошло времени. Я открыл гла-

за в каком-то медпункте. Оказалось, рядом с РОВД располагался пункт скорой помощи. Зашла та же пожилая женщина.

– Ну как Вы? – спросила она с порога.

– Хорошо, – не задумываясь, ответил я.

– Хорошо ему, как же, откуда может быть хорошо. Господь дал тебе такое здоровье, родители потратили на тебя свою жизнь, а ты, бессовестный, не жалеешь ни труда своих родителей, ни дар божий. Нельзя так, побойтесь Бога, ведь он за все спросит с каждого. И этим иродам придется отвечать. Всем, всем придется предстать перед ним, – бормотала она, замеряя у меня давление. – И впрямь хорошо, – сказала она, привставая со стула, стоявшего рядом с моей кроватью.

– Что со мной? – спросил я, пытаюсь встать, но попытка не удалась, вновь закружилась голова, и я опустил голову на подушку.

– Лежи, лежи и не дергайся, – захихикала моя спасительница. – Господи, прости мою грешную душу, – перекрестившись, пробормотала она.

Я смотрел на доктора и никак не мог понять, почему она крестится, насколько я знаю они, осетины, мусульмане. Заранее скажу: как оказалось потом, осетины делятся на мусульман и христиан.

Вдруг я вспомнил про Марата с Николаем.

– Можно спросить? – обратился я к доктору, которая что-то записывала в книгу.

Услышав меня, она выпрямилась:

– Чего тебе, лежи молча, а лучше спи.

– Друзья мои там беспокоятся, куда я пропал, переживают, наверное.

– Не беспокоятся, успокойся. О себе подумай, у тебя упадок сил, не шути с этим.

– Отчего у меня он, упадок, есть, а Ашоту хоть бы хны?

– Это тот молодой, что ли? Так ему проще. Он беспокоился только о себе и ждал, пока ты что-нибудь придумаешь. Жить в неведении проще. Здесь твои друзья, приехали, все тут. Обещала впустить того, что здоровее всех, он главный? – спросила она.

– Там – да.

Я лежал и думал, как мы будем объяснять директору автобазы, куда делся его КамАЗ. Тут вошел Марат в белом халате.

– Только лежать! – скомандовала мой спаситель.

Марат присел рядом на стуле и стал рассказывать о том, как они с Колькой...

Я лежал, и мне становилось понятно, о чем причитала эта женщина.

– И вообще скажу тебе: я правильно сделал, что попросил тебя поехать вместо себя. Если бы в багажнике оказался я, то мне был бы конец.

Врач находилась рядом и все слышала, повернулась к нам и таким скрипящим голосом сказала:

– Да, ребята, горя вам еще хлебать да хлебать. Все, хватит,

ему отдыхать надо, выходи отсюда.

– Ладно, – сказал Марат, – пойду, – повернувшись к врачу спросил: – а когда его отпустят?

– Зачем он тебе? Видишь, в каком он состоянии.

– Ладно, – сказал мой друг, – выйдешь – подумаем, что дальше делать. А без него думать некому, наверное.

– Я извиняюсь, – обратился я к доктору, – когда мне можно будет выйти отсюда?

– Думаю, завтра отпущу.

Сделав мне ещё несколько уколов, она ушла, а я заснул.

Наступило утро, я полностью проснулся, в палате я был один. Прямо передо мной было окно, на котором висели занавески. Раннее утреннее солнце просвечивало занавески и грело мне лицо. Странно, вот лежу здесь, вроде все нормально. Нет никаких проблем. Все хорошо, не было холода, обмороженных ног. Вообще нет ничего, кроме этого солнца. Такое легкое состояние души, трудно объяснить, что случилось. Лежу себе и видеть никого не хочется. Прошло время, в дверь вошла моя спасительница.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброго здоровья, – ответила она и стала измерять давление.

Закончив, сказала, что организм быстро восстанавливается:

– У тебя все хорошо.

– Все хорошо? Тогда я собираюсь? – спроси я.

– Да, конечно. Вот твои дружки передали тебе вещи.

Я открыл пакет, в нем были брюки, носки, трусы и новая футболка. И только сейчас я увидел, что лежу абсолютно голый. Встать было невозможно. Женщина тактично вышла, и я стал одеваться. Только когда осталось обуть кроссовки, я вспомнил о своих ногах. Они были забинтованы, и кроссовки на ноги не налезали. Посмотрев на мои безуспешные попытки, вошедшая врач сказала, что надо обувать тапочки, иначе никак. Я дальше подрезал тапочки, в которых ходил по РОВД, и вышел обуться во двор. Солнце было таким ярким, что я сразу зажмурился.

Ко мне подбежали ребята, стали расспрашивать. Каждый задавал свой вопрос, не дожидаясь ответа, задавал другой. Подошел мент.

– Пошли, тебя следователь ждет.

Идти было больно, но гораздо легче, чем раньше. Подошли к кабинету, мент постучал и, попросив разрешения, проводил меня в кабинет.

– Добрый день, присаживайтесь.

В кабинете за столом сидел капитан. По этому товарищу можно было сказать, что он очень гордился собой и, надо сказать, этот мундир был ему к лицу. В этом следователе чувствовалась его офицерская выправка.

– Простите, а где тот следователь, который меня допрашивал?

– Вам понравился наш Каримов? – удивившись, спросил

следователь.

– Да, – говорю, – особенно его просаленный мундир и небритое лицо.

– Он Вас больше допрашивать не будет, он у нас по другим делам.

«Швея-трактористка», – подумал я. А вслух сказал:

– Понятно, если надо «сшить» дело, то его приглашают.

Следователь молча укладывал бумаги и сделал вид, что меня не слышал. Закончив перебирать бумаги, он сказал:

– Приступим. Расскажите все, от Волгограда до конца.

Понятно было, что следак уже все знал, и пока я рассказывал, он печатал на клавиатуре. Дойдя до того места, где мы подошли к РОВД, я спросил:

– А как меня били, тоже рассказывать?

Следователь поднял глаза и спросил:

– Будете заявлять?

– Нет, не буду, – ответил я.

– Тогда не надо, этот пикантный момент пропустим. Пишите заявление по факту Вашего похищения и угона машины, а то выяснится, что пострадавших-то нет.

После окончания допроса я был отпущен. Добравшись до своих, я спросил у Марата, звонил ли он в гараж. Конечно, это был глупый вопрос: стал бы он сам звонить. Ребята стали готовиться к обеду. Выбрав момент, Николай спросил:

– Как ты?

– Хреново, – ответил я – все болит, сил нет.

Николай был моим шурином и поэтому обо мне знал больше других.

– Я представляю, если бы на твоём месте был бы другой нормальный человек, тот бы умер от болевого шока.

Дело в том, что я начинаю чувствовать боль чуть позже, чем обычные люди. И это отклонение здорово помогает вот в таких ситуациях.

К нам подъехал милицейский «бобик». Водитель вышел из кабины и скомандовал:

– А ну давай, ребята, в машину.

Мы все вчетвером влезли в УАЗ, и машина поехала.

– Едем в горы? – спросил я.

Водитель улыбнулся, сказав, что пока приказали везти нас в кабак. Проехав несколько улиц, машина встала напротив какого-то ресторана.

– Вас там ждут, – сказал водитель и показал на двери ресторана. Мы всей группой вошли. Подошедший официант проводил нас в зал, где мы увидели несколько человек, сидящих за одним столом. Когда мы подошли поближе, один из сидящих за столом встал. Это был начальник криминальной полиции. «Ого», – подумал я, – видать, наше дело приняло особый статус». В нашем положении было большим грехом отказываться от такого угощения, поэтому мы не заставили хозяина стола повторяться и дружно уселись на свободные места вокруг стола.

– Располагайтесь, расслабьтесь, вы дома.

Мы аккуратно сели за стол и стали смотреть меню. Я же просто облокотился на спинку стула и сидел, рассматривая сидящих за этим столом. Подошел официант, стал записывать заказ. Наши новые друзья показали ему, с кого надо было начинать. Тот подошел ко мне, я отправил его к Марату. Приняв заказ у Марата, он пошел дальше. Когда официант подошел к начальнику криминальной полиции, тот поднял голову и спроси меня, в чем дело.

– Понимаешь ли, я не знаком с кухней этого ресторана. А заказывать что попало не стоит. Учитывая Ваши знания, закажите мне то же, что себе.

Тот улыбнулся и сделал свой заказ, лишь добавив:

– По две порции.

В конце концов заказ был принят, и «вестовой» удалился. На столе уже стояли тарелки с салатом, всякие соленья – можно было приступать. Все так и сделали, пока придет официант. Понятное дело, за столом старшим был сам начальник. Он и предложил пока заняться салатом. Так, между прочим, он спросил у меня, не видел ли я у этого мерса на заднем стекле наклейку. Я пытался вспомнить его заднее стекло. Даже напряг все бицепсы, но, увы, нет.

– Прости, – говорю, – пусто в голове.

– Ладно, не переживай. Вчера я увидел такой, как ты описывал, Мерседес, все вроде, как ты говорил. Пытался догнать, он дал по газам и улетел. Я подъехал к посту ДПС, спрашиваю: «Ты видел, "мерин" только что прошел?» Гаиш-

ник сказал: «Конечно, так это сын... Когда я услышал, чей это мерс, мне стало плохо. Так у него на заднем стекле в левом верхнем углу... – продолжал начальник.

Тут меня осенило:

– Джокер на желтом фоне.

– Молодец, – похвалил меня он.

Подошел официант и стал накрывать на стол. То ли специально, то ли начальник забыл о нашем разговоре, но так или иначе он не продолжился.

Закончив наши посиделки, мы стали собираться.

– Давай ты садись в мою машину, а ребята в машину Муртаза. Поехали.

Все разошлись по машинам и поехали. Мы с Ичкoeвым свернули в переулок, он остановил машину и, обернувшись ко мне, сказал:

– Ты молодец, все сразу понял, тогда слушай. Если родители этого негодяя узнают о нашем желании разобраться в этой истории по справедливости, то посадят тебя или меня, а может, нас обоих. Поэтому мы арестуем его вместе с его друзьями. Это дело на контроле у нашего министра, – закончил он свою речь.

– И за меня министр? Что-то Вы, господин майор, увлеклись.

– Да нет, просто эти грабежи участились, но были без попытки убийства. Это означает, что дальше будут убийства. Теперь, Гургенович, слушай меня внимательно. Надо сде-

лать все, чтобы вы оставались здесь. Как только вы уедете, дело развалится. Я обещаю помочь тебе, только поверь мне. Слово даю. Как сказал бы мой командир, если дело касается чести русского моряка или русской женщины, мы готовы. А я все думал, откуда у простого водителя такая живучесть и смекалка, а ты, оказывается, из моряков. Ну ладно, тогда все получится.

Он завел машину, и мы потихоньку поехали по ночному городу. Перед поворотом он остановил машину и спросил:

– Знаешь, где мы?

– Да, там за углом РОВД.

– А здесь, – он показал на кафе, – будете каждый день обедать и ужинать, понятно?

Мы повернули за угол и оказались возле РОВД. Сразу подошел Марат.

– Куда он тебя возил? – спросил он.

– Здесь недалеко есть кафе, там будем обедать и ужинать.

– Завтра? – поинтересовался Николай.

– Нет, каждый день, – ответил я.

– И долго мы здесь загорать будем? – опять поинтересовался Николай.

Марату не понравился этот вопрос, он резко обернулся в мою сторону.

– Пока машину не найдем. И это не обсуждается, – подытожил я.

Николай был недоволен этим решением, но, имея право

голоса, заметил:

– Ну да, лето на носу, переживем. А зимой, думаю, тяжело будет.

Ашот был согласен с Николаем, хватит, мол, романтики, поехали домой. Право голоса имел каждый, а решения принимал я.

Наступило утро, открыв ворота моей фуры и расположившись на краю, мы завтракали. Солнце уже взошло и светило прямо на нас, тепло от солнца расходилось по всему телу. Тут подошел какой-то парень, мне он почему-то сразу не понравился. Марат смекнул, что это просто наркоша и у него были ломки.

– Тебе чего надо, убогий?

– Можно мы ханку заварим? – без всякого вступления сказал он.

– Ты что, охренел, ментовка рядом, увидят – закроют без суда и следствия.

– Да чего там, мы быстро, – не унимался он.

Тут появилась его подруга. Боже мой, это было что-то неземное, на ней был брючный костюм и что-то вроде френча, это божье создание было явно из богатой семьи. Увидев ее, я спрыгнул с фургона на землю и, подойдя к ней, прямо спросил:

– Ты знаешь, есть много способов получить удовольствие, не доходя до этого. Я могу взять на себя обязательство показать тебе несколько способов получить головокружитель-

ный кайф.

Она посмотрела на меня, ухмыльнулась:

– Ты про секс?

– Да, – говорю, – неужели в твоей жизни не было нормального мужика?

Она посмотрела на убогого:

– Вот мой мужчина.

Конечно, иметь вот это при себе в качестве мужчины – тогда точно остается только наркотик. Она приподняла рукав своего костюма. Боже мой, то, что я увидел, невозможно было понять, а не то что описать. Из-под рукава появилась тонкая кость, на эту кость натянули кожу, прозрачную, как целлофан, под которой текли тонкие ручейки крови. Это был живой скелет, обтянутый чем-то вместо кожи. Она смотрела на мой пораженный увиденным взгляд и добавила:

– Поверь, я вся такая, так что секса не будет – некуда.

Марат выругался матом и хотел виновника этого безобразия выкинуть с фуры. Но, пожалев девушку, дал возможность доварить свое зелье до конца. Когда эта гадость была готова, они поблагодарили нас и ушли. Они ушли, а я долго вспоминал ее, ее родителей, которые, наверняка отчаявшись, опустили руки, отдавшись судьбе.

Прошла еще неделя. Мы сидели на своем месте, каждый день обедая и ужиная в кафе. За эту неделю наши покровители сводили нас в парилку, надо сказать, насчет кавказского гостеприимства я был неправ. Между тем мы позвонили на-

шему директору и сообщили о случившемся. Тот факт, что мы остались живы, его радовал, но вот потерянный КамАЗ его здорово огорчал.

Итак, в один прекрасный день меня вызвали в РОВД к следователю. Пройдя к дежурному по РОВД, я спросил:

– Меня вызывали?

– Да, Вам к следователю на очную ставку.

По телу прошел холодок. От одной мысли увидеть этих бравых ребят я, не замечая боли в ногах, пролетел два лестничных марша и оказался возле кабинета следователя. Тот вышел из кабинета и предупредил меня:

– Будь благоразумным, не наделай глупостей.

Я вошел в просторный кабинет, там стояло восемь человек. Среди этих были и мои знакомые. Встретившись глазами с Мансуром, я сказал:

– Привет! Я же тебе говорил, что мы еще увидимся.

Тот опустил молча голову.

Подошел следователь.

– На основании ст. РФ гражданин Григорян, Вы узнаете кого-нибудь из этих людей? – спросил меня следователь.

– Да, я хорошо знаю вот его, это Мансур, вот его друг тоже из этой группы.

– Хорошо, – сказал следователь, – тем, кого опознали, и тебе, – он показал на парня, стоящего рядом, – остаться, остальные свободны.

– Этого я не видел, – сказал я.

– Это их водитель, – ответил следователь.

Все разошлись, в кабине остались только те, на которых указал следак. Кроме нас, остался еще один человек. У меня сложилось впечатление, будто я и его знаю или видел где-то. Майор взял в руки довольно увесистую папку и начал читать.

– Дело №..... Пострадавший Григорян Левон....

Закончив читать, он обратился ко мне:

– У Вас есть возражения?

– Я ответил:

– Нет.

Он обратился к сидящему рядом. Тут я вспомнил, что это был тот самый в шляпе, который сказал нам, сколько времени, когда нас вели на допрос. Задав мне несколько вопросов, адвокат отпустил меня.

Выйдя на улицу, я почувствовал облегчение. Подойдя к ребятам, стал рассказывать об очной ставке. Мы все понимали: скоро конец нашим мучениям. Весь день мы обсуждали то, как мы приедем домой и будем обмывать наше спасение.

Прошел еще один день, апрель подходил к концу. Где-то к полудню в нашем сквере появилась женщина. Она села на одну из свободных лавочек и пристально смотрела в нашу сторону. Мы подумали, что это чья-то мать пришла увидеть сына. Каждый день в ментовку «воронки» привозили задержанных на допрос или на другие следственные мероприятия. Вот родственники и приходили сюда, чтобы увидиться со своим чадом. Эта женщина просидела весь день, она так

и не вставала с места, только когда мы вернулись с ужина, ее на месте на оказалось.

Утром к нам подошел Ичкоев.

– Как дела, ребята? – спросил он. – Потерпите, скоро все закончится.

Поговорив еще немного, он попросил меня прогуляться по скверу, в котором мы сидели.

– Мне надо тебе сказать кое-что.

Он стал рассказывать, что его вызывал зам. министра и прямо сказал: «Дело по этому угону надо закрывать». Как ты понимаешь, тебя будут просить поменять показания. Потребуй, чтобы возвратили все, что они забрали, и только потом ты будешь готов рассмотреть вопрос о закрытии дела.

– А ты? – спросил я. – Что ты получишь?

Он широко улыбнулся:

– Да, все тебе надо.

Я молчал, майор посмотрел по сторонам и заявил:

– Мне предложили место в министерстве, а это дорогого стоит, там и возможности другие.

– Извини, а следователь, его как убедили согласиться?

– Его на мое место.

– Ну и слава богу, – подытожил наш разговор я.

– Только будь внимательнее, – на прощание напомнил мне майор.

Наутро к нам подошел местный житель и сразу представился:

– Меня зовут Ваха.

– А меня Николай, – ответил ему мой шурин.

Мы с Маратом медленно повернулись к нему, пораженные Колькиной прытью.

Помолчав немного, я сказал:

– Николай, ты давай не очень, успокойся. Ты все-таки на Кавказе, понимаешь, в Осетии, а не у себя на Донбассе, маленько следи за своей болтушкой. Извини, мил человек, мы тут скоро совсем дикими станем.

Я абсолютно был спокоен, твердо знал, что хамство до добра не доведет, а уж тем более с незнакомым.

– Надо полагать. Вам что-то нужно от нас, я готов выслушать.

– Да вот пришел познакомиться, даже не познакомиться, а извиниться за своего племянника.

– Слава богу, проснулись, – влез в разговор Николай.

Я же твердо понимал, что разговора не получится, ситуация выходила из-под контроля.

– Извини, – в очередной раз пришлось извиняться.

Я встал, взял Николая за шиворот и потащил его в сторону. Марат на армянском крикнул:

– Не бей его.

В ответ я выругался матом, может, его в задницу расцеловать надо, так ты скажи, я готов. Марат встал и подошел к нам.

– Отпусти его, они с Ашотом взяли литр водки и за ночь

уговорили ее вдвоем.

– Откуда, кто им дал денег?

– Какие деньги, им хватило только рот открыть, так бармен сразу выдал.

– Скотина, люди пришли поговорить, помириться. А ты, свинья, хамишь людям. Кто разрешил тебе рот открывать без моего разрешения?

Тут начался пьяный бред Николая, он пытался говорить о каких-то правах человека. Мне трудно сказать, чем бы это закончилось. Марат обнял Кольку за плечи и отвел его в сторону. Я вернулся обратно к своему собеседнику, который терпеливо ждал окончания этого представления.

– Я понимаю, – сказал он, как только я подошел к скамейке, на которой мы сидели.

– Раз ты пришел, значит, тебе что-то надо, все это время ждал, пока это безобразие закончится, значит, что-то надо очень, – я сделал ударение на слове «очень». – Ну а за то, что ты сделал вид, что не заменил хамства моего друга, тебе отдельное спасибо. Значит, то, что тебе надо, не терпит отлагательств. Отсюда вывод: ты родственник тех ребят, с которыми у меня случилось... то, что случилось.

– С тобой даже объясняться не надо, – удивленно ответил мой собеседник.

– Не надо, – ответил я.

– Я знаю, тебя зовут Левон, ты армянин по национальности. Хочу, чтобы ты меня правильно понял. Вот видишь

эту женщину? Это моя сестра, она старше меня. Она каждый день приходит сюда, чтобы у вас у всех попросить прощения за своего сына. Но каждый день, проходя сюда, она не знает, что сказать. То, что сделал мой племяш, уму непостижимая подлость. В Осетии я решаю, кому жить, кому умереть.

Я посмотрел на него.

– Это угроза? – спросил я.

– Нет, что ты, я пришел извиниться, попросить прощения за своего племяша.

– Я тебя понял, – ответил я. – Погоди, негоже этой женщине сидеть там.

Я встал и уверенным шагом пошел к ней.

– Добрый день, матушка, – сказал я.

Она сидела с опущенной головой и молчала.

– Я все понимаю, идите домой, все будет хорошо. Я обещаю Вам.

Она подняла голову, горе поглотило ее, глазах были залиты слезами. Оно и понятно, Мама – этим словом сказано все. Ее мучил стыд за деяние ее единственного сына и боль за его будущее. Сын находился в камере, статья, по которой его задержали, считалась тяжелой. По долгу своей работы она понимала, чем это закончится для ее сына. Я уже не говорю о позоре, упавшим с небес. Она смотрела на меня, твердо понимая, что чудо, на которое она надеялась, находилось рядом, прямо стояло напротив нее.

– Идите домой, – сказал я и, повернувшись, пошел к си-

дядьему на скамейке Вахе.

Хватит, у меня у самого выступили слезы. Вчера меня чуть на застрелил ее сын, сегодня, сочувствуя ей, я проследил. Воистину пути господни неисповедимы.

– Итак, насколько я понимаю, у тебя есть план выхода из этой ситуации. Говори, я готов.

– Сначала я тебе расскажу, кто его родители в нашей республике. Его мама... (я не буду писать, какую должность занимала эта женщина, но, узнав о своем сыне, она сразу подала в отставку). Уверю Вас, должность, которую занимал его отец, была не меньше.

Послушав Ваху, я сказал:

– Теперь верю в твои способности – с такой крышей можно позволять себе все.

– Я предлагаю следующее. Все, что у вас было отобрано, мы вернем, что не сможем, возместим, – подвел итог мой собеседник.

– Очень интересно, я бы сказал, заманчиво.

– Есть возражения? – закончив, спросил Ваха.

– Нет, возражений нет. Есть дополнения, я бы сказал, даже не дополнения, а продолжения к твоему предложению.

– Я что-то забыл? – спросил он.

– Мелочь, к примеру, ты, наверное, обратил внимание на то, что я хожу еле-еле. Поверь, это я здесь стал так ходить после прогулки по горам. Да ладно прогулки, мне еще с полгода работать нельзя будет, вернее, можно, но не смогу. По-

нимаешь, о чем это я?

– Не совсем, – ответил он.

– Дальше, мы здесь почти месяц, а у нас семьи, которые надо кормить. Где наша машина, в каком она состоянии, наши документы, паспорта, водительские удостоверения, даже ПТС новая обойдется в круглую сумму. Я не говорю про вещи – надо же, выкинули матрасы, одеяла. В общем, ты, дорогой мой, очень плохо подготовился к нашему разговору. Или, извини меня, ты, наверное, подумал, что мы испугаемся твоих связей. Я только что обещал этой женщине, что у нее все будет хорошо. – Я повернулся к тому месту, где она сидела, но ее уже не было. – Видишь, твоя сестра ушла со спокойной душой, потому что я обещал. Так что вам придется сделать все, чтобы я не казался треплом. Просто надо вернуть то, что принадлежит нам по праву. Насколько я понимаю, наша машина скоро будет возвращена. Вот первый пункт разговора, который надо выполнить. Дальше посмотри.

– Хорошо, – сказал он. В этом «хорошо» я уловил нотки обиды. Ваха встал и протянул мне руку, я ответил тем же, рукопожатия рассеяли мои сомнения. Пока все было хорошо, подумал я.

Утром приехал какой-то чиновник, меня на месте не было, какой-то мент подошел к Марату и попросил подойти к машине. В машине сидел отец Мансура в генеральских погонах. При виде генерала Марату стало как-то не по себе. Ко-

гда он подошел к машине вплотную, сидящий в ней спросил:

– Может, пока подпишем все документы под мое слово, чтобы ребенок пошел домой, а потом мы, со своей стороны, выполним все наши обещания?

Марат помялся немного

– Это решает мой друг, а не я.

– А где Ваш друг? – спросил генерал.

– На перевязке, у него ноги загноились.

– Понятно. Хорошо,ждемся Вашего друга.

Пока Марат говорил с отцом Мансура, Николай прибежал в медпункт и рассказал мне о приехавшем чиновнике. Доктор, все та же пожилая женщина, находилась рядом и все слышала. Она обработала мои ноги и оставила их открытыми, без бинтов.

– Лежи, от этих людей добра не жди. Я их семью хорошо знаю, будь с ними осторожен.

Прошло еще время. По совести сказать, мне надоело лежать здесь на кушетке. Но мой начальник мне запрещал, поэтому я лежал и терпел такого рода лишение свободы.

Послышались шаги, и в перевязочную вошел генерал. Увидев доктора, он от неожиданности оробел. Увидеть здесь знакомую, тем более ее, для него было неожиданностью. Интересно, подумал я. Как хорошо, что меня не застрелили, посмотри только, сколько человек могут улучшить свое социальное положение. Вот скажите мне, это случайность или закономерность?

Войдя, генерал поздоровался и попросил доктора оставить нас вдвоем. Она напрочь отказалась выходить из перевязочной.

– Это мой кабинет, – гордо сказала она, – и командовать здесь могу только я.

– Хорошо, – сказал он. – А что у него? – и показал на меня.

– А разве не видно? Смотри, что твой сын сделал с этим человеком. Он теперь не скоро сможет нормально ходить.

Я лежал на животе, поэтому мои ноги во всей красе можно было рассмотреть в мельчайших подробностях. Следом вошел водитель. Увидев мои ноги, он выругался. Генералу не понравилась реакция его водителя, поэтому он коротко сказал:

– Выйди вон.

– Ты чего пришел, видишь, он ходить не может. Может, хочешь посадить его вместо своего сына?

Генерал промолчал, переминаясь с ноги на ногу. Помолчав, он спросил:

– Стул у Вас попросить можно?

– Можно, – ответила женщина, – ты же мне дал стул, когда мне стало плохо в твоём кабинете. А я тебе говорила: господь спросит со всех, и тебя эта участь не минует. Я понимаю, как тебе плохо. Наверное, Белла тоже страдает, переживая за своего сына.

– Белла подала в отставку, у нее нервный срыв, – сказал генерал и обратился ко мне: – Нам поговорить надо с Вами.

– И мне Вы в свое время сказали точно такие слова. Потом вину своей сестры повесили на меня.

Он посмотрел по сторонам и вышел.

– Простите меня за несдержанность, – вслед ему сказала доктор. И заплакала. Уже сквозь слезы добавила: – Господи, прости меня за грехи мои.

– У Вас тоже с ними что-то было? – обратился я к ней.

– Было, давно это было, но я помню все. Я была заведующей хирургическим отделением. Теперь я здесь. Целый год меня не брали на работу. Сволочь он, – подытожила она. – Скажу тебе одно: не верь ему. Он пообещает все, что понадобится, для его благ.

Протерев глаза от слез, она принялась за мои ноги.

– Смотри, ты не шути с этим. Приходи на перевязки через день. Иначе может начаться нагноение.

Полежав после перевязки, я потихоньку встал и, поблагодарив, поковылял к своим. Пора идти на ужин, но мне не хотелось. Я попросил Николая принести мне чего-нибудь сюда...

Наступило очередное утро, светило солнце, было уже тепло, чирикали птички, жужжали шмели. Подошел помощник дежурного, махнул мне рукой и жестом показал на второй этаж. Я поднял руку и покивал головой: иду. Пришлось вставать – вызывал начальник уголовного розыска. Постучав, я вошел в кабинет.

– Проходи, присаживайся, сейчас подойдет адвокат, надо

подписать кое-какие документы.

Тут вошел адвокат, он вежливо поприветствовал всех находящихся в кабинете.

– Сразу перейдем делу, – сказал он. Достав папку, адвокат стал искать нужную ему бумагу. – Вот, наконец... Смотрите, Вы утверждаете, что видели в руках Мансура пистолет и что это был Макаров.

– Точно, – говорю я, – утверждаю.

– Как Вы могли в такой ситуации рассмотреть оружие, направленное на Вас?

– Я сам много лет прослужил во флоте и с оружием знаком хорошо. Поэтому утверждаю, это точно был боевой пистолет.

– А он говорит, что это была игрушка.

– Тогда пусть предъявит игрушку, думаю, вспомнить, куда он положил ее, времени много не понадобится.

Адвокат ухмыльнулся:

– Тогда я предлагаю записать, что это был предмет, похожий на пистолет.

– Я показания менять не буду, – твердо сказал я. – И что означает «предмет, похожий на пистолет»? Это Вы предлагаете мне, человеку, который прослужил шестнадцать лет?

– Какая Вам разница, что изменится в Ваших показаниях от этой неточности.

– Мне не нравится слово «неточность». Это было наяду, и мы все были трезвыми.

– Есть еще один пункт в Ваших показаниях: «Были сумерки, уже вечерело». Как Вы определили, что стрелял именно Мансур?

– Голос Мансура я хорошо запомнил и с другими не спутаю.

– Может, у вас есть какая-нибудь личная неприязнь к Мансуру?

– Нет, – отвечаю, – личной неприязни нет.

– Тогда в чем дело, почему Вы не хотите смягчить показания? Заведомо лживые показания.

– Очень хорошо, потом вы будете меня защищать.

– Ну, не надо так. Хорошо, Вы всегда говорите, их было трое.

– Да, подтверждаю, я видел троих, водителя я не видел.

– У Вас есть какие-нибудь претензии к человеку, сидящему постоянно за рулем?

– Я Вам уже говорил, что его не видел, он мне не угрожал. Но, думаю, он знал, что делают его друзья, значит, он входит в состав организованной преступной группировки.

– Вы изучали юриспруденцию? – спросил меня адвокат.

– Увы, – ответил я.

– Вы понимаете, у меня сложилось мнение о сговоре.

– Меня с ним? – я кивнул в сторону начальника, сидевшего в своем кресле.

– Да, – ответил адвокат.

– Тогда сажайте его тоже. А мне все равно, мне надо быст-

рее получить своё КамАЗ, вернуть все, что я потерял – и домой. Так и передайте, кому это будет интересно.

– Вы мне больше не нужны.

Я повернулся к майору, тот махнул рукой, мол, иди, и я понял куда. Время идти на обед.

Я пришел и скомандовал:

– Пошли обедать.

Уже в кафе Марат спросил, как наши дела.

– В общем, хорошо, но они что-то хитрят. Хотят поменять показания, чтобы кинуть нас. Спроси у бармена по стакану вина, я думаю, Ашот с Николаем не хотят. Они свое уже выпили.

Марат встал со стула, пошел к барной стойке, поговорив с барменом, вернулся и сказал, что тот хочет поговорить со мной. Пришлось идти. Подойдя к стойке, я сразу обратился к бармену:

– Ты только хорошего вина дай. Мы за него заплатим.

– Оставь себе свои деньги.

– Не понял. Что случилось?

– Зайди в подсобку.

Пришлось пройти за стойку. К моему удивлению, там находился майор, начальник криминальной полиции.

– Что случилось? – спросил я.

– Тебя завтра вызовут в министерство, не бойся. Это дело находится под контролем министра. Тебе могут предложить денег, чтобы поменять показания, не соглашайся, они с зам.

министра родственники. Будь осторожен, чтобы не попасться на обмане. В моем кабинете молчи, там слухач установлен.

– По Вашему разговору я так и понял, – ответил я.

– Молодец, держись.

Я вернулся к столу, там стояла бутылка вина.

– Наливай, всем наливай.

Николай стал сразу разливать вино по фужерам.

– Ну, – спросил Марат.

– Нормально. Давайте есть.

Шашлык из баранины лежал в общей тарелке, мы взяли по несколько кусков и приступили к самому любимому мероприятию. По-моему, приятнее нет ничего, чем вкусно есть. Сидели мы долго, ели, не торопясь. Вдруг, вроде между прочим, зашел водитель генерала:

– Да, неплохо живут гости Владикавказа.

Сразу смекнув, в чем дело, я заметил:

– В гостях – это когда тебя угощают. А питаться за свой счет – это самообслуживание.

– Присаживайся, – пригласил Марат, – посиди с нами.

– Нет, спасибо, дела, надо бежать, начальство ждет. Забежал за сигаретами.

Он взял пачку сигарет и вышел за дверь.

– Ладно, пора и нам честь знать, – сказал я и стал собираться, уже на выходе бармен поднял руку со сжатым кулаком.

Мы вышли из кафе, нас встретили двое постовых, как и полагается, они сначала потребовали наши документы, которых у меня и Ашота не было. Потом спросили, почему мы в нетрезвом виде находимся здесь, нарушаем общественный порядок. Было понятно, в чем тут дело, все наши объяснения были напрасны. Тогда я спросил, кто из них старший, один из блюстителей порядка ответил, что это он. Подвинувшись ближе, я сказал:

– Я прошу прощения, мы действительно не хотели, простите нас, мы пойдем к себе, тем более что живем мы в отделении РОВД за углом.

– Как так, теперь все будут хулиганить, а потом говорить: простите, так дела не делаются.

– Какие тут могут быть дела? – сказал я.

Марат заметил:

– Они денег просят, давай дадим.

– Нельзя, это статья.

– Вечно тебе всякая ерунда мерещится, – ответил Марат.

– Вообще-то вот вас мы отпустим, а вот вас – нет. У вас нет документов. Проедем в горотдел, там разберутся.

– Тогда зачем в горотдел, эта территория относится к этому РОВД. Ведите нас туда.

Трудно сказать, чем бы закончилась это проверка, но мимо нас проезжал УАЗик нашего РОВД. Увидев нас, они остановились, подошли.

– Что такое, вы зачем задержали этих ребят, они у нас

проходят по делу? Оставьте их в покое.

В УАЗике был офицер, он подозвал к себе старшего, потом скомандовал:

– Тогда ведите их в наше отделение. Или вы порядка не знаете?

– Да знают они все, – сказал я, – им приказали забрать нас, все равно за что.

Те переглянулись:

– Почему вы так думаете?

– Да потому, что вы, оказывается, из другого отделения, я уже не говорю о том, как вы тут оказались.

– Хватит болтать, проведите их к нам. Там будем разбираться.

В РОВД нас приняли, разбираться, конечно же, было не с чем. Потом, позже, я узнал, это бармен позвонил майору, тот распорядился, и машина выехала спасать наши души.

Утром приехал нам знакомый водитель. Сказав, что он приехал за мной, предложил сесть к нему в машину. Я уже знал, куда меня везут, поэтому, не говоря ни слова, сел в автомобиль, и мы помчались по городу, включив люстру на машине.

– Ты даже не спросил, куда едем, наверное, тебе сказали? – спросил, улыбаясь, водитель.

– Надо заметить, ты такой догадливый и предусмотрительный, учиться у тебя можно, прям таки аналитик за рулем. Вот только чего ты вчера нарисовался в кафе, если ва-

ши псы ждали нас? – отреагировал на его вопрос я.

– Тебе кто дал право служащих милиционеров псами называть?

– А ты сам подумай, кому в голову придет мысль посылать на такое задание умного? Я думаю, нам с тобой не следует заниматься словоблудием.

Он здорово обиделся и стал провоцировать на скандал.

– Ты совсем обнаглел, ты вообще кто такой? Шваль, отброс, подумаешь, водитель КамАЗа, ты, наверное, считаешь себя выше нас.

Какой у него был акцент, не описать.

– Дело в том... – попытался я объясниться.

– Заткнись, не доводи, – и выругался на осетинском – я уже говорил, что этот язык мне не знаком.

– Дело в том, что твой родной язык осетинский, а мой русский. Поэтому мне легче излагать свои мысли вслух, чем тебе. Ты вон, даже пытаешься унижить меня, обошелся двумя словами, остальное на осетинском.

Он замолчал и уже слушал меня, понимая, что не прав.

– Вот простой пример. Самое длинное матерное выражение, которое ты можешь сказать на русском языке, – это будет четыре или пять, в крайнем случае, семь слов, где-то так. Правильно, что молчишь.

– Ну и что?

– А я произнесу тебе матерное выражение в тридцать слов.

От удивления он посмотрел в зеркало:

– Да ладно, врешь.

– Нет, не вру, но если честно, то больше, по-моему, тридцать шесть слов.

– Откуда? Ты сам придумал?

– Нет, в книге вычитал, – ответил я. – Если память не изменяет, это в книге Симонова «Морской характер». Я как раз это имел в виду, что тебе со мной тяжело тягаться. Зато на осетинском ты победишь. Так кто пора извиняться, покажи свою интеллигентность.

– Ладно тебе, не обижайся, – вместо извините, ответил он.

Мы подъехали к зданию МВД. На входе дежурный спросил у меня документы, но документов у меня не было, он позвонил куда-то, ответил «Есть!», положив трубку телефона. Обращаясь к нам, сказал:

– Вам на второй этаж, кабинет двести четырнадцать.

Мы поднялись наверх, в приемной сидел капитан.

– Григорян? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Вы проходите, а ты, – он обратился к моему сопровождающему, – останься здесь.

Я, ковыляя, прошел в кабинет. Там оказалось два генерала.

– Проходите, – сказал мой знакомый офицер, – присаживайся.

– Долго еще хромать будешь? – с иронией спросил второй.

Не обращая внимания на его иронию, я ответил:

– Думаю, еще долго придется хромать.

Мой знакомый что-то сказал на осетинском, и оба стали разглядывать меня.

– Вам чай или кофе? – спросил меня знакомый мне генерал. Потом, обратившись к своему коллеге, сказал: – Разрешите Вас познакомить, товарищ зам. министра. Тот деловито покивал головой: – Давно хочу познакомиться с человеком, который приехал к нам в гости, а вот местных законов и уважаемых людей нашей республики уважать не хочет. Итак, перед нами Григорян Левон, уроженец города Баку. Про службу сказать ничего не могу, закрытая информация, но скажу, служил долго.

– Сколько? – спросил тот, посмотрев на меня.

– Шестнадцать, – коротко ответил я.

Он, наверное, ожидал какую-то длинную речь, поэтому еще некоторое время чего-то ждал.

– А где служили?

– Во флоте, – ответил я.

– Итак, скажите мне, – начал разговор зам. министра, – разве можно приходить в дом к людям и не уважать обычаев этого народа? Или Вам не нравятся осетины, может, у армян какая-то ненависть к нашему народу?

Он еще долго говорил о гостеприимстве народов Кавказа, об отношении осетин к армянам. Судя по интонации, я понимал, что это выступление нужно для разогрева обстанов-

ки или чтобы напугать меня. Потому как генеральские погоны не помогли. Непонятно было другое: им было достаточно нажать кнопку, и меня уже никогда не нашли бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.